

Я. С. ЛУРЬЕ

О возникновении и складывании в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским

Настоящая статья представляет собой продолжение и завершение двух статей об истории текста Первого послания Ивана Грозного Курбскому (далее: ППГ), напечатанных в т. XXXI и XXXII ТОДРЛ.¹ Основные выводы этих статей таковы.

1. Первоначальная редакция ППГ — 1-я Пространная редакция, известная нам теперь в шести списках. Из этих списков три входят в состав так называемых печерских сборников, в которых послание царя читается среди посланий его врагов, и три списка не включают сочинения его противника и не имеют устойчивого «конвоя». Тот вид 1-й Пространной редакции, который дошел в «печерских сборниках», имеет ряд явно вторичных чтений по сравнению со списками 1-й редакции, читающимися вне этого сопровождения.

2. Краткая редакция ППГ дошла в большинстве списков в составе «печерских сборников». Сопоставление ее с 1-й Пространной редакцией обнаруживает вторичность Краткой редакции по отношению к 1-й Пространной редакции и ее зависимость именно от того вида 1-й Пространной, который читается в «печерских сборниках». Очевидно, переделка 1-й Пространной редакции в Краткую происходила уже после сложения «печерских сборников» и внутри этих сборников.

3. 2-я Пространная редакция ППГ вторична по отношению к 1-й Пространной редакции; она восходит к тексту 1-й Пространной, имевшему некоторые черты близости с текстом «печерских сборников» и обладавшему при этом одним явным и несомненным дефектом (перестановка текста с цитатой из Дионисия Ареопагита из конца ППГ в середину). В пределах 2-й Пространной редакции первичен Хронографический вид и вторичен тот вид, который читается в «сборниках Курбского» конца XVII в. (содержащих все основные сочинения Курбского, включая его «Историю о великом князе Московском»). Сокращенная редакция XVIII в. восходит к «сборникам Курбского».

Какие же данные по истории возникновения и складывания в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским могут быть извлечены из истории текста посланий? Имели ли послания обоих оппонентов самостоятельное хождение в отдельном виде или стали публицистикой уже впоследствии — в XVII в., извлеченные из архивов и включенные в сборники?

Вопрос был поставлен автором этих строк еще в 1951 г., при издании «Посланий Ивана Грозного». К этому изданию впервые были привлечены

¹ Я. С. Лурье: 1) Первое послание Ивана Грозного Курбскому. (Вопросы истории текста). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 202—234; 2) 2-я Пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 56—69.

списки 1-й Пространной редакции ППГ (ГПБ, Погод., № 1567, далее — *П*; ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 41, далее — *К*); в одном из этих списков сохранился специфический и очень важный для характеристики памятника заголовок: «Царево-государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи об их измене». Наличие этого заголовка в наиболее первичной по тексту редакции Послания (а также в Краткой редакции ППГ) дало основание предполагать, что послание царя, как и послание Курбского, открывшее переписку, было публицистическим памятником, предназначенным не только для его формального адресата, но и для других читателей (подобно «открытым письмам» в литературе нового времени), а обращения к противнику имели целью не убеждение его, а обличение.²

Это мнение вызвало недавно возражения в научной литературе. Оживление интереса к этой теме было отчасти связано с выходом в свет книги американского историка Э. Кинана «Апокрифические сочинения, приписываемые Курбскому—Грозному». Основной вывод Э. Кинана о переписке как своеобразной литературной мистификации, постепенно развивавшейся в течение всего XVII в., не был принят многочисленными учеными, откликнувшимися на его книгу.³ Но некоторые из наблюдений, содержащихся в книге (связь послания Курбского с сочинениями западнорусского инокса Исаяи, датировка основных групп списков), заслуживали внимания и дали повод для постановки ряда важных вопросов, связанных с перепиской.

В полемической книге, направленной против концепции Э. Кинана, Р. Г. Скрынников отверг взгляд на переписку как на памятник XVII в. Но вместе с тем автор отказался и от предположения (ранее им разделявшегося) о посланиях царя и Курбского как о полемических памятниках, адресованных «во все Российское царство». Заголовок двух редакций (1-й Пространной и Краткой), где содержатся эти слова, представляется ему относительно поздним и сочиненным переписчиками послания, а сама возможность обращения царя с посланием к широкой аудитории — противоречащей «глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных».⁴ Каких-либо определенных предположений о проникновении переписки в рукописную традицию в XVI или в XVII в. Р. Г. Скрынников в своей книге не высказал. Серьезное внимание он обратил лишь на «конвой» первых посланий Курбского и Грозного в «печерских» или, по его определению, «вольмарских» сборниках (в Вольмар в 1564 г. бежал Курбский) — в списке *П*, в списке БАН, Текущие поступления, № 230 (*А*), обнаруженном автором этих строк в 1954 г., и в некоторых других, к которым мы еще обратимся. «Авторами вольмарской подборки» были, по мнению Р. Г. Скрынникова,

² Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (Литературные памятники), с. 470—471, 540.

³ E. Keenan. The Kurbskii—Groznyi apocrypha. The XVIIth century genesis of the «Correspondence» attributed to prince Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971 (далее: Keenan). Из откликов на книгу Кинана отметим следующие: Н. Е. Андреев. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — Новый журнал, Нью-Йорк, 1972, № 109; Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4; Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; J. Fejnelli. [Рец. на кн. Р. Г. Скрынникова]. — Russia Mediaevalis, 1975, т. II; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному. (Текстологические проблемы). — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976 (см. в этой статье рецензии и отклики на книгу Э. Кинана — примеч. 2, 6 и 104).

⁴ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 81; ср.: С. О. Шмидт. Об адресатах Первого послания Ивана Грозного князю Курбскому. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 306 и 320—321.

«эмигранты, близкие к Курбскому»; когда именно к этому сборнику было присоединено Послание Ивана Грозного, неизвестно.⁵

Ряд соображений о проникновении в письменность переписки Курбского с царем был высказан А. А. Зиминим. Именно А. А. Зимин еще в 1956 г., при исследовании сочинений Пересветова, обратил внимание на существование «печерских сборников», не включающих Послание царя (на эти сборники ссылался и Р. Г. Скрынников). Он высказал предположение, что как сочинения Пересветова, так и материалы «печерских сборников» «стали более доступными служилым и приказным людям» после пожара 1626 г., истребившего значительную часть архива Посольского приказа.⁶ В недавно опубликованном исследовании о Первом послании Курбского А. А. Зимин развил эту мысль шире. По его мнению, Послание Курбского и другие материалы «печерских сборников» «проникли в рукописную традицию XVII в. из Государственного (Посольского) архива». Что касается самого «печерского сборника» (посланий Курбского, Тетерина—Сарыхозина и Полубенского), то, «вероятно, этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г. (в 1577 г. царь отвечал на послание Тетерина) и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому».⁷ К вопросу об истории «печерских сборников» мы еще обратимся; пока же отметим сугубо предположительный характер этого построения. В специальных описях дел, сохранившихся после пожара 1626 г.,⁸ не упоминаются ни материалы «печерских сборников», ни сочинения Пересветова. В описях Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. из интересующих нас материалов упоминается только грамота Курбского — ни остальные послания беглецов, ни послание царя там не фигурируют («черный список Пересветова», упомянутый в Описи архива, также, вероятно, был не списком его сочинений, а следственным делом Пересветова).⁹

Обширная рукописная традиция переписки, введенная в оборот при подготовке нового издания переписки царя с Курбским,¹⁰ позволяет значительно расширить сведения о составе и происхождении списков, включающих послания обоих антагонистов.

Как уже неоднократно отмечалось, рукописи переписки, известные нам, относятся ко времени не ранее первой трети XVII в. Каких-либо авторских или официальных экземпляров посланий, относящихся к XVI в., до нас не дошло. В этом смысле вся традиция переписки — традиция неофициальная. Но характер этой традиции не одинаков в различных сборниках. Наиболее явно враждебную Грозному традицию отражают «сборники Курбского» последней трети XVII в. Это, как мы уже отметили, почти полные собрания сочинений «государева изменника», к которым присоединено единственное сочинение царя — ППГ. Враждебная традиция, хотя и не столь полная, окружает ППГ и в «печерских сборниках» первой трети XVII в. Но ряд списков 1-й Пространной редакции

⁵ Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 37.

⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, с. 251.

⁷ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 182.

⁸ Н. П. Лихачев. 1) Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894, Приложение, с. 53—81; 2) Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 30—72; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 459—483.

⁹ Описи Царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 36—37. О «черном списке» Пересветова см.: Сочинения И. Пересветова. Подгот. текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, с. 15 и 298—299.

¹⁰ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. Л. (сер. «Литературные памятники»), (в печати).

ППГ не имеет, как мы уже указывали, такого окружения — они отражают нейтральную, а возможно, и официозную традицию памятника.¹¹ Нейтрален и состав сборников Хронографического вида 2-й Пространной редакции — это Хронограф или Степенная книга, куда включены первые послания царя и Курбского (Второе и Третье послание Курбского дошли только в «сборниках Курбского»; Второе послание Грозного сохранилось в нескольких сборниках конца XVII в. официального происхождения — посланий «государева изменника» в них нет).

Важнейшее значение для понимания истории текста ППГ имеют упомянутые уже выше наблюдения относительно первичности текста текстов списков 1-й Пространной редакции, которые не включают послания Курбского и других враждебных царю памятников (уже упомянутый список *К*; список ГПБ, Погод., № 1311, — далее: *Б*; ГПБ, собр. Титова, охр. № 1121, далее: *Т*). Никакого стойкого «конвоя», постоянного окружения ППГ в этих списках не имеет. Даже если принять предположение А. А. Зимина о проникновении «печерских сборников» в рукописную традицию из царского архива после 1626 г., то на списки *К*, *Б* и *Т* распространять такое предположение нет оснований — они явно принадлежат иной традиции, чем «печерские сборники».

А между тем заголовок «Послание. . . во все его Российское государство (царство) на крестопреступников. . . об их измене» оказывается присутствующим всей 1-й Пространной редакции — и в отдельном виде и в «печерских сборниках»; он не сохранился только в списке *К* — просто потому, что в нем нет начала. Таким образом, заголовок этот во всяком случае отражает древнейшую доступную нам редакцию памятника; тем более велико его значение.

Новые данные для установления истории текста 1-й Пространной редакции ППГ могут быть получены при исследовании недавно обнаруженного списка 1-й Пространной редакции — в Военно-Историческом архиве, ф. ВУА, № 3 (далее — *В*). По определению Ю. Д. Рыкова (любезно указавшего нам эту рукопись) список *В* относится к 20—30-м гг. XVII в., т. е. принадлежит к числу самых ранних рукописей Послания.¹² По составу это «печерский сборник», которому предшествует перевод Гваньини, отличный от всех известных до сих пор; в конце сборника помещены грамоты 1610 (послания Гермогена Сигизмунду III и Владиславу) и 1623 гг. (послание патриарха Михаилу Федоровичу).

Весьма примечательны и состав сборника, и содержащийся в нем текст ППГ. Исследователи уже отмечали, что состав «печерских сборников» не вполне совпадает в его отдельных списках. Два «печерских сборника», не включающих послания Грозного, в остальном имеют наиболее полный состав, состоящий из краткой записки Курбского в Печерский монастырь, его же Третьего послания в монастырь (старцу Вассиану), послания Тетерина и Сарыхозина Морозову и грамоты Полубенского в Юрьев. В «печерских сборниках» с Посланием Грозного 1-й Пространной редакции опущены записка Курбского (*П*), а также его послание Вассиану (*А*); еще большие пробелы обнаруживаются в «печерских сборниках», содержащих Послание царя Краткой редакции.¹³ Между тем

¹¹ С. О. Шмидт (Об адресатах. . ., с. 320—321), ссылаясь на автора этих строк, подчеркивает, что «первоначальная (полная) редакция сохранилась только в неофициальной или враждебной традиции». Но это относится в наибольшей степени именно к «сборникам Курбского» и в наименьшей — к 1-й Пространной редакции ППГ.

¹² Описание этого сборника будет дано Ю. Д. Рыковым в «Археографическом обозрении» в кн.: Переписка Ивана Грозного с Курбским (см. наст. статью, примеч. 10).

¹³ Сочинения И. Пересветова, с. 81—82 и 85; Р. Т. Скрябин в Переписка Грозного и Курбского, с. 36—40; А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 181—183.

список *B* оказывается самым полным по составу из всех «печерских сборников»: в нем есть и Послание Грозного, и все элементы «конвоя», включая записку и послание Вассиану.

Текст ППГ в *B*, обнаруживая основные черты, отличающие текст «печерских сборников» от текста остальных списков 1-й Пространной редакции, вместе с тем в нескольких случаях оказывается первичнее текста остальных «печерских сборников». ¹⁴ Черты первичности в тексте царского послания в *B* делают особенно интересным местоположение этого послания в рукописи. Уже в известных прежде «печерских сборниках» послание царя не имело постоянного места: в списках *II* и *A* оно следует за посланиями всех «государевых изменников» (не только Курбского, но и Тетерина с Сарыхозиним); в списках Краткой редакции — после послания Курбского. Это обстоятельство (как и отсутствие ППГ в двух «печерских сборниках») давало основание сомневаться в том, что Послание царя было в оригинале «печерских сборников». В списке *B* послание царя помещено в третьем, наиболее неожиданном месте — вне всего печерского комплекса, перед остальными посланиями. Это явный признак вторичности ППГ в «печерском» комплексе: если бы все послания «печерских сборников» были извлечены из единого архивного фонда, Послание царя располагалось бы на своем естественном месте — за Посланием Курбского, на которое ответил царь (как в «сборниках Курбского»). Состав списка *B* и текст ППГ в нем позволяют видеть в этом списке своеобразное соединительное звено между отдельно бытовавшими списками Послания царя и списками посланий его врагов («печерскими сборниками» без царского послания), с одной стороны, и теми «печерскими сборниками», где помещены и послания Курбского и Послание Грозного, с другой. Иначе говоря, список *B* по составу и тексту может считаться наиболее близким к протографу всех «печерских сборников» с Посланием царя.

Тем более интересной оказывается еще одна особенность этого текста. Здесь не только имеется общий заголовок 1-й Пространной редакции — «. . . во все его Российское царство», но обнаруживается еще одно указание на характер и назначение царского послания. На отдельном листе, предшествующем посланию царя и остальным посланиям (л. 181), читается краткое указание на наиболее важные из следующих далее памятников — Послание царя, «грамоты патриарха Гермогена к королю Польскому и грамоты Курпсково». Послание царя определено здесь так: «Послание царское во все города на крестопреступников его на князя Ондreja Курпскаго с товарищи о их измене его». Какого происхождения эта запись? Опираясь ли редактор начала XVII в., соединивший послание царя с посланием его врагов, на какие-то прямые указания в имевшемся у него списке царского послания, или он исходил из устных известий о путях его рассылки («во все города»), или, наконец, это было его предположение? Этого мы не знаем. Так или иначе, запись на списке *B* подтверждает известие заголовка о публицистическом и обличительном назначении Послания.

Запись «Послание царское во все города» — свидетельство единичного книжника 20—30-х гг. XVII в. (поскольку других списков с такой записью пока не обнаружено). Но заголовок 1-й Пространной редакции, подкрепляемой этой записью, имеет более широкое значение, поскольку он принадлежит протографу этой редакции. ¹⁵

¹⁴ Анализ текста *B* см. в кн.: Переписка Ивана Грозного с Курбским (см. наст. статью, примеч. 10).

¹⁵ В этом отношении дополнительный заголовок списка *B* «во все города» может быть сопоставлен с заголовком, обнаруженным А. А. Зиминым на одном списке (ГБЛ,

В какой степени текст этого заголовка может считаться достоверным свидетельством характера и назначения Послания? Заслуживают внимания замечания Р. Г. Скрынникова, противопоставившего заголовку вступительный раздел послания, — его торжественное введение, включающее титул Грозного и аналогичное вводным частям дипломатических посланий царя.¹⁶ Но почему такое введение должно рассматриваться как заглавие, исключаяющее конкретный заголовок? Если мы обратимся к столь популярному в XVI в. памятнику, как книга «на новгородских еретиков» («Просветитель») Иосифа Волоцкого, то обнаружим в нем еще более развернутое и торжественное введение; это не воспрепятствовало тому обстоятельству, что книге предшествует, сверх того, отдельный (и, по всей видимости, авторский) заголовок: «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков Алексея протопopa и Дениса попа и Федора Курицына. . .».¹⁷ Но предположим даже, что перед нами в ППГ — не авторское заглавие, а его дьяческий заголовок. Подобные дьяческие заголовки постоянно встречаются в дипломатических грамотах. Так, послание шведскому королю Иохану III 1573 г., вступительный титул которого Р. Г. Скрынников сравнивал с вступлением к посланию Курбскому, имело дьяческий заголовок — «Такова грамота послана от государя к свейскому королю, а послана в Орешек. . . а из Орешка велено ее выслать в Выбор с земцом. . .»; такие же заголовки имеют послания (с вступительными титулами) Сигизмунду II Августу 1569 г., императору Максимилиану I 1576 г.¹⁸ и т. д. Противоречат ли такие заголовки развернутым вводным титулам и вызывает ли достоверность заголовков какие-либо сомнения? Никто, очевидно, не сомневается в том, что перечисленные грамоты действительно были посланы в Швецию, Польшу, к императору и т. д., и именно с теми лицами, которые в них упомянуты. Почему же заголовок ППГ должен вызывать какие-то сомнения и противопоставляться титулу, как некая альтернатива? Он вполне соответствует содержанию Послания, в котором Андрей Курбский и его товарищи действительно обличались в измене. Послание царя было написано в 1564 г. — так, во всяком случае, считает большинство исследователей, и в их числе Р. Г. Скрынников и я, — но если это так, то в «государеву казну» или в другой подобный архив оно поступило в XVI в.; если ему был придан при этом заголовок, то это произошло тогда же. Зачем же было бы дьякам давать этому сочинению заведомо неверный заголовок, нарушая «аристократические представления царя» и превращая грамоту в послание «во все Российское государство», если бы этого не хотел сам самодержец? От кого бы ни исходил заголовок «во все Российское государство», он сохраняет значение первостепенного исторического источника.

Таковы соображения, вытекающие из рукописной традиции и заголовка 1-й Пространной редакции Послания царя. Обратимся теперь

собр. Ундольского, № 720) послания Курбского: «. . . писал к государю в Москве с человеком своим с Васьюко Шибановым»; как установил А. А. Зимин, заголовок этот отражает не архетипный текст ППГ, а является распространением заголовка одной из версий, сделанным составителем данного списка (А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 145—146). Но заголовок, присущий всей 1-й Пространной редакции ППГ, имеет более древнее происхождение и более важный смысл, чем заголовки на списках В и собр. Ундольского, № 720.

¹⁶ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Переписка Грозного и Курбского, с. 79—80.

¹⁷ См. введение к «Просветителю» в кн.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, с. 466—477, 477—486 (2-я редакция: «Грешного инока Иосифа сказание. . .»).

¹⁸ Сборник РИО, т. 129. СПб., 1910, с. 228; т. 71. СПб., 1892, с. 587; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, стб. 639.

к истории текста Первого послания его противника. Что представляет собой первоначальная традиция этого памятника — какая его редакция и какой вид могут считаться первичными? До нас дошли две редакции Первого послания Курбского (далее: ППК). Одна из них, содержащаяся в «сборниках Курбского», конца XVII в., была известна в науке еще с XIX в. (издана Н. Устряловым, потом Г. Кунцевичем); другая (известная Г. Кунцевичу, но использованная им лишь для разночтений) опубликована автором этой статьи (по «печерскому сборнику» II) в приложении к «Посланиям Ивана Грозного» 1951 г. Обе редакции различаются между собой отдельными чтениями, и в частности тем, что в тексте ППК в «сборниках Курбского» читается фрагмент, сходный с предисловием Ивана Федорова к «Апостолу» 1564 г. Уже Э. Кинан, хотя и с некоторыми колебаниями, пришел к выводу, что первой редакцией ППК является та, которая помещена в «печерском сборнике» II, а второй — редакция «сборников Курбского»; решительно высказался в пользу первичности первой редакции Р. Г. Скрынников.¹⁹ Подробное сопоставление обеих редакций произвел А. А. Зимин, отметивший целый ряд совпадений первой редакции ППК (в отличие от второй) с ответом Ивана IV. Кроме того, А. А. Зимин привлек к исследованию 20 списков 1-й редакции ППК; он же установил наличие внутри 1-й редакции двух групп, из которых первая группа ближе к 1-й редакции, чем вторая. Несколько новых списков ППК ввел в науку Ю. Д. Рыков, уточнивший схему взаимоотношений между этими списками.²⁰

Особое значение для настоящей работы имеет окружение текста различных редакций и групп ППК и их сосуществование с разными редакциями ППГ — там, где оба памятника помещены в одних сборниках. 2-я редакция ППК, как мы уже отметили, читается в «сборниках Курбского» — вместе с соответствующим видом 2-й Пространной редакции ППГ (или с Сокращенной редакцией XVIII в.) и некоторыми другими памятниками. Первая группа 1-й редакции ППК содержится в большинстве списков (7 списков) без остальных посланий Курбского и Послания царя, только в двух случаях (списки ГИМ, собр. Уварова, № 1584, — далее *Ув1*; ГБЛ, Музейное собр., № 4469, далее — *Биб*) они входят в «печерские сборники» (без послания Грозного); кроме того, четыре списка этой группы представляют собой хронографические компиляции (включающие Хронографический вид 2-й Пространной редакции ППГ).²¹

¹⁹ Кеenan, р. 197—198; Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 10—11.

²⁰ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 177—180, 183—184. Наблюдения Ю. Д. Рыкова содержатся в «Археографическом обзоре» в кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским (см. выше примеч. 10).

²¹ Следует отметить, что один памятник, входящий в состав «печерских сборников», — послание Тетерина и Сарыхозина Морозову — читается вместе с ППК первой группы 1-й редакции еще в нескольких списках — в списке ГПБ, Археол. общ., № 43 (далее — *Ар*) (начальный фрагмент послания) и в списках, содержащих хронографическую компиляцию. Однако послание Тетерина и Сарыхозина — особый памятник, не входящий в число печерских грамот в точном смысле слова (таких, как послания Курбского в Печерский монастырь); его судьба также отличалась от судьбы остальных печерских грамот: послание Тетерина вместе с ППК через хронографические компиляции попало в «сборники Курбского» (в первоначальном тексте этих «сборников» не было ни послания царя, ни послания Тетерина). По ряду чтений текст послания Тетерина в хронографической компиляции (и «сборниках Курбского») отличается от текста того же послания в «печерских сборниках»; сохранившийся в *Ар* фрагмент, по-видимому, ближе к хронографической компиляции (полный заголовок вместо краткого), чем к «печерским сборникам». Можно думать поэтому, что ППК и послание Тетерина — Сарыхозина (два наиболее острых произведения «крестопреступников», адресованные из-за рубежа их противникам) сосуществовали в рукописной традиции и независимо от «печерских сборников».

Напротив, все «печерские сборники», включающие Послание царя (в 1-й Пространной или в Краткой редакции), содержат текст послания Курбского в т о р о й г р у п п ы 1-й редакции; лишь два списка этой группы, отмеченные А. А. Зиминим (ГПБ, Ф. XVII. 15, далее — *Пуб*; ГПБ, Погод., № 1615, далее — *ПЗ*), не включают остальных посланий «печерского сборника» и ППГ.

Какой же из текстов ППК может считаться первичным? А. А. Зимин полагает, что именно списки второй группы 1-й редакции «наиболее близки к архетипу послания», ибо чтения ее совпадают с чтениями в ответном Послании царя.²² Но поскольку списки второй группы это в основном «печерские сборники», то естественно предположить в таком случае, что протографичный текст ППК, попавший в рукописную традицию XVII в., — это текст «печерских сборников», включающих, наряду с посланием царю, другие послания «государевых изменников». Отсутствие этого «конвоя» в *Пуб* и *ПЗ* можно считать вторичным явлением — такие послания могли выпасть при переписке сборников. Но как объяснить то обстоятельство, что следы «печерского» конвоя отсутствуют во всей первой группе 1-й редакции, за исключением только двух списков — *Ув1* и *Биб*? Если считать, что первоначален текст второй группы, а из него произошел текст первой, то придется предположить, что изменения текста второй группы произошли уже внутри «печерских сборников» и привели к появлению списков первой группы типа *Ув1* и *Биб*, а затем из этого архетипа образовалась вся семья списков первой группы 1-й редакции, совершенно утратившая элементы «печерского» конвоя, и уже из нее — 2-я редакция ППК (имеющая, как мы знаем, черты сходства с первым видом 1-й редакции). Но списки первой группы 1-й редакции ППК, как мы отметили, довольно многочисленны; некоторые из них принадлежат к числу наиболее ранних списков ППК: списки ГБЛ, ОИДР, № 197 (*О*); ГБЛ, собр. Овчинникова, № 285 (далее — *Ое*); ГБЛ, собр. Ундольского, № 603 (далее — *У1*); собр. Ундольского, № 720 (далее — *У2*), как и два «печерских сборника» *Биб* и *Ув1*, — первой трети XVII в.²³

Но действительно ли текст второй группы 1-й редакции ППК может считаться первичным по сравнению с текстом первой группы? А. А. Зимин отмечает, что в тексте второй группы ППК, как и в ППГ, известный вопрос Курбского читается: «почто. . . сильных во Израиле побил. . .?», в списках первой группы: «про что. . .?». Но обращение к рукописной традиции ППГ обнаруживает, что «почто» (в цитате царя из Курбского) читается только в «печерских сборниках» и близком к ним списке *Т*, а в списках *Б* и *К*, содержащих наиболее первичный текст Послания, как раз «про что. . .?». Не свидетельствует о первичности второй группы и другое отмеченное А. А. Зиминим чтение: «. . . хотяще истязати их до власти прегрешения их. . .»; в первой группе «до влас».²⁴ В библейском тексте, на который, очевидно, опирался Курбский, говорится именно о «власах», как в первой группе: «сокрушит. . . верх влас приходящих в прегрешениях. . .» (Пс. LXXVII, 22; в сходном тексте инока Исаяи — тоже «до влас»)²⁵. Текст

²² А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184, 186, 188.

²³ Кеenan, р. 104, 105—106, 107—108, 111 (датировки Д. К. Уо). О датировке списка *Ое*, указанного Ю. Д. Рыковым А. А. Зимину, см.: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184, примеч. 39. О датировке списка *У2*: А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов, с. 145.

²⁴ А. А. З и м и н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184.

²⁵ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 225; Ю. Д. Р ы к о в. К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 240—241.

Грозного также не дает ясных параллелей — здесь читается и «до власт» (БА), и «до власти» (К), и «до влас» (новонайденный²⁶ «печерский сборник» В). С другой стороны, как отметил сам А. А. Зимин, во второй группе читается «бесовские согласным твоим боляром», в то время как в первой группе — «бесогласным», «бесогласныя», «безгласным», что согласуется с ответом царя: «бесогласных же бояр у нас несть».²⁶

Нам представляется, таким образом, что данных, свидетельствующих о первичности второй группы 1-й редакции ППК по сравнению с первой группой и о ее большей близости к ППГ, нет. Но если это так, то нет оснований и для того, чтобы возводить всю совокупность отдельных списков ППК первой группы к «печерским сборникам» или вообще к каким-либо комплексам, содержащим Послание Курбского вместе с другими публицистическими памятниками этого цикла. Скорее можно предположить обратное — что именно те списки первой группы 1-й редакции, где Послание Курбского царю было впервые соединено с другими списками «государевых изменников» (типа *Биб* и *Уел*), стали оригиналом всех «печерских сборников» (в составе которых и сложилась вторая группа 1-й редакции ППК), а уже затем к этим «печерским сборникам» было добавлено Послание царя (см. схему).

Так или иначе, отдельная традиция 1-й редакции Послания Курбского представлена еще большим количеством списков, чем отдельная традиция Послания царя, и в обоих случаях мы можем говорить о самостоятельном бытовании посланий обоих противников.

Что же нам известно о назначении и путях распространения посланий «государевых изменников»? Можно ли предполагать, что и они, подобно Посланию царя, были рассчитаны на «все Российское государство»? Естественно, что пока Курбский и его друзья находились на Руси, распространение подобных посланий грозило бы им смертельной опасностью. Но, бежав за границу, Курбский, Тимоха Тетерин и другие не только писали, но, естественно, стремились послать свои сочинения на Русь. Как бы ни представить себе роль Василия Шибанова в доставке послания его господина царю, едва ли можно сомневаться в верности летописного известия о том, что Шибанов был задержан в районе военных действий; если у него было с собой Послание Курбского, то, очевидно, не для доставки лично царю, а для тайной передачи каким-то русским посредникам.²⁷ В научной литературе не раз цитировалась и записка Курбского в Печерский монастырь, посланная, очевидно, уже после бегства, в которой он просит некоего адресата вынуть «писание», запрятанное «под печью страха ради смертного», и отослать его «любо к государю, любо к Пречистой в Печеры».²⁸ О том, что послания русских «крестопреступников» становились известными не только их формальным адресатам, но и иным читателям, свидетельствует и то обстоятельство, что Иван IV отвечал Тимохе Тетерину на его письмо Морозову и цитировал, по-видимому, в ответе Курбскому его Послание в Псковско-Печерский монастырь.²⁹

²⁶ А. А. Зимин. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 184—185.

²⁷ ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1906, с. 383. Даже если считать, что официальная летопись, утверждавшая, будто Шибанов «сказал... изменные дела» Курбского, интерпретировала показания Шибанова тенденциозно (ср.: А. А. Зимин. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов, с. 144), самый факт захвата Шибанова на литовском рубеже делает совершенно невероятным известное сказание Латухинской Степенной книги конца XVII в. (ГИМ, Синодальное собр., № 293, л. 366) о том, что Шибанов приехал в Москву и вручил послание царю на Красном крыльце.

²⁸ Письма князя Курбского к разным лицам (оттиск из РИБ, ХХХI). СПб., 1913, стб. 1—2. Ср.: Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского, с. 34—35; И. С. Лурье. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 230—231.

²⁹ Послания Ивана Грозного, с. 62, 212 и 611.

Сейчас мы располагаем еще некоторыми данными, позволяющими предполагать, что переписка Курбского с Грозным читалась на Руси, и не только в царском дворце и Печерском монастыре. Свидетельством этого могут служить те самые сочинения западнорусского инокa Исайи, сходство которых с Посланием Курбского обнаружил Э. Кинан. Одно из них, «Плач», имеет точную дату — 1566 г.; другое, «Жалоба», не да-

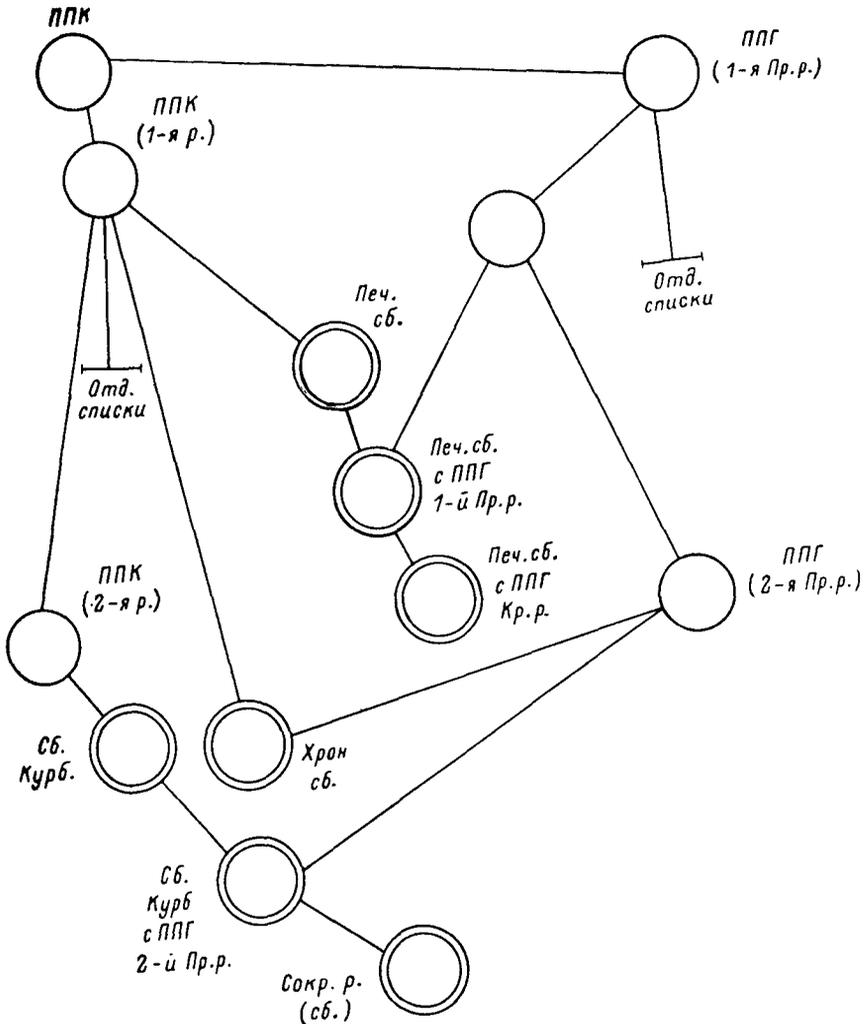

Схема складывания в сборники переписки Ивана Грозного с Курбским.

тировано. Особенно показательным в данном случае оказывается сопоставление Послания Курбского с «Плачем» Исайи. Э. Кинан почти не касался сопоставления этих двух текстов (он сравнивал в основном послание с «Жалобой»). Р. Г. Скрынников также говорит только о совпадении с «Жалобой», усматривая в «Плаче» и Послании Курбского «совпадение одного единственного богословского штампа» и ссылаясь на сходное, по его мнению, выражение в Евангелии от Матфея (X, 42).³⁰ Однако Дж. Феннел справедливо заметил, что совпадения между текстами Курб-

³⁰ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Переписка Грозного и Курбского, с. 12—13.

ского и Исайи здесь слишком велики, чтобы их можно было игнорировать, и что связь с евангельским текстом, напротив, представляет собой очень далекое отражение.³¹

Сравним еще раз эти три текста:

М а т ф., X	ППК	«П л а ч» И с а и и
(41) Приемляй пророка во имя пророко, мзду пророчу примет; и приемляй праведника во имя праведничю, мзду праведничю приемлет.	. . . ратные мои дела. . . не изрекох, зане лутчи един бог весть: он бо, бог, есть всим сим мздовоздатель, и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды. . . ³²	. . . чаю смерт, бесмертие помышляю. Узрю ли спекуляторский меч, небо вмежня, и всим сим мздовоздатель Христос истинный бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды. . . ³³
(42) И иже аще напоит единого от малых сих чашею студеной воды токмо, во имя ученика, аминь, глаголю вам, не погубит мзды своея. . .		

С евангельской цитатой у Курбского и Исайи совпадает только тема «чаши студеной воды», но в отличие от Евангелия здесь читается сходный термин «мздовоздатель» (Матф., X, 41 — говорится только о «мзде» от пророка и праведника) и оборот: «не токмо сим, но и за чашу студеныя воды. . .». При этом оборот этот у Курбского, как справедливо заметил Дж. Феннел, совершенно ясен, примакая к словам о божественном суде, который и является «мздовоздателем», а у Исайи он довольно неуклюже привязан к словам о «спекуляторском мече» и «небе».

Возражая Дж. Феннелу в недавно напечатанной статье, Р. Г. Скрынников заявляет, что: 1) слово «мздовоздатель» имеет у Исайи исконную форму («мздовоздатель») по сравнению с более поздней и искусственной формой у Курбского («мздовоздаятель»); непонятность фразы о «мздовоздателе» у Исайи — «не более, чем субъективное впечатление Феннела. . .»; 2) и Курбский и Исайя привели «цитату о Христе-мздовоздателе по памяти»; 3) «сходство неполной фразы о боге-мздовоздателе в „Плаче” Исайи и послания Курбского носило скорее всего случайный характер».³⁴

Аргументация эта представляется весьма малоубедительной. Нельзя сделать решительно никаких заключений на основе орфографических различий «мздовоздатель» — «мздовоздаятель» — и не только потому, что церковно-славянская форма «мздовоздаятель» не может считаться более поздней, чем русская «мздовоздатель», но и потому, что во всех списках 1-й редакции ППК, как и у Исайи, читается не «мздовоздаятель», а именно «мздовоздатель».³⁵ Последовательность текста Курбского по сравнению с текстом Исайи очевидна. У Курбского идет речь о его заслугах — «ратных делах», за которые князь надеется получить «мзду» как за доброе дело, подобное напоению жаждущего «чашей студеной воды». Исайя ни о каких заслугах, за которые полагалась бы «мзда», не упоминает, и слова «всим сим» у него бессмысленны, так как указательное местоимение «сим» может относиться здесь только к «небу» и «спекуляторскому мечу». Поскольку Р. Г. Скрынников предполагает прямую тексто-

³¹ Russia Mediaevalis, 1975, t. II, p. 191—192.

³² Послания Ивана Грозного, с. 535 (в издании ошибочно «мздовоздаятель»).

³³ Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мниха каляничанина Исайи. — ПДПИ, вып. CLXXXI. СПб., 1913, с. 5—6.

³⁴ Р. Г. Скрынников. К вопросу о происхождении сходных мест в Первом послании Курбского царю Ивану IV и сочинениях Исайи. — РЛ, 1977, № 3, с. 68—69.

³⁵ Лишняя буква «я» в слове «мздовоздаятель» в изд. «Послания Ивана Грозного» (см. выше, примеч. 32), очевидно, дезориентировала Р. Г. Скрынникова, который, к сожалению, не проверил это чтение по рукописям.

логическую связь между Посланием Курбского и «Жалобой» Исаи, считать совпадение того же Послания с другим сочинением Исаи («Плачем») случайным — весьма непоследовательно и странно: получается, что, используя в своем Послании «Жалобу» Исаи, Курбский счастливо воспользовал в нем фрагмент из другого неизвестного ему и даже еще не написанного сочинения того же автора (ППК — 1564 г., «Плач» — 1566 г.).

Из какого источника Курбский и Исайя могли приводить «по памяти» цитату о «мздовоздатель»? Очевидно, не из Евангелия, так как оба они одинаковым образом отходят от этого памятника. «Источник цитаты Исаи и Курбского пока не найден», — заявляет Р. Г. Скрынников.³⁶ Указание на неизвестный общий источник Курбского и Исаи переводит всю проблему в совершенно иную плоскость: тогда и сходство Послания Курбского с «Жалобой» может быть объяснено восхождением к этому общему источнику. Но такое объяснение Р. Г. Скрынников (как и Э. Кинан) отвергает, предполагая прямую связь между этими памятниками.

Никаких данных о неизвестном общем источнике сочинений Исаи и Курбского у нас нет. Как же можно представить себе связь между их творчеством, если не прибегать к предположению о таком источнике? Текст Послания Курбского, очевидно, первичен по отношению к тексту «Плача».³⁷ Вполне вероятно, что таковы же соотношения Послания Курбского и другого сочинения Исаи — его «Жалобы».

Как справедливо отметил А. А. Зимин, Э. Кинану не удалось привести убедительных доводов в пользу первичности «Жалобы» по сравнению с Посланием Курбского; никаких новых доказательств первичности «Жалобы» не привел и Р. Г. Скрынников, принимающий схему взаимоотношений сочинений Исаи и Курбского, предложенную Э. Кинаном.³⁸ По словам Р. Г. Скрынникова, «наблюдения за изменениями грамматических, стилистических и логических особенностей сходных мест „Жалобы“ Исаи и Послания Курбского сами по себе не дают достаточного материала для определенного вывода о направлении заимствования изу-

³⁶ Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 69.

³⁷ Ссылку Дж. Феннела на явную синтаксическую и логическую непоследовательность текста у Исаи Р. Г. Скрынников отводит, заявляя, что «методика Феннела в этом пункте напоминает методику, примененную скептиками в споре о происхождении „Слова о полку Игореве“». Главный аргумент в пользу первичности „Задонщины“ скептики усматривают в том, что сходные места имеют в „Задонщине“ стройный, ясный, а следовательно, и более древний вид, чем в „Слове о полку Игореве“, где текст менее логичен. . .» (Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 68, примеч. 18). Это замечание Р. Г. Скрынникова вызывает удивление. Конечно, большая логичность и правильность того или иного чтения не всегда служит доказательством его первичности — иногда текст может быть исправлен по смыслу, но при отсутствии данных о вторичной правке логичность (или нелогичность) текста является одним из важнейших аргументов в текстологии и применяется защитниками первичности «Слова» по отношению к «Задонщине» не менее часто, чем их оппонентами (ср., например: Р. П. Дмитриев. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. с. 210—213; О. В. Творогов. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Там же, с. 312—329).

³⁸ Мое замечание о том, что Р. Г. Скрынников принял основное текстологическое построение Кинана о взаимоотношениях текстов Исаи и Курбского, вызвало резкие возражения Р. Г. Скрынникова, назвавшего это замечание «самым удивительным» из «сюрризов» в истории полемики о переписке и заявившего, что если бы «текстологическая формула» Кинана сводилась к предположению о «влиянии Исаи на Курбского», то Р. Г. Скрынникову «незачем было бы братья за перо» (Р. Г. Скрынников. К вопросу. . ., с. 67). Все это явное недоразумение. В моей статье я говорил не об общей исторической концепции Р. Г. Скрынникова и уж, конечно, не о том, зачем автор «взялся за перо». Речь шла только о текстологической схеме (стемме), имеющей, несомненно, важнейшее значение в построении Э. Кинана. Оба автора считают текст «Жалобы» первичным, а текст Курбского вторичным; оба они не включают в свою текстологическую схему «Плач» Исаи.

чаемых текстов. Более надежные результаты могут быть получены на путях возможно более точной датировки „Жалобы”.³⁹ Но сравнение текстов все же является основой текстологии — и его никак нельзя заменить соображениями о датировке, и притом совершенно предположительными (они основываются на простой догадке об обратном хронологическом расположении материалов в дошедшей до нас рукописи Исайи). Между тем именно сравнение сходных мест в «Жалобе» и Послании оказывается достаточно красноречивым. Едва ли можно оспаривать мнение авторов, полагающих, что слова Курбского «кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему» вполне естественны в письме бывшего военачальника к его государю и совершенно неуместны в «Жалобе» монаха Исайи на его врага — митрополита Иоасафа, на службе у которого он никогда не состоял.⁴⁰ Следовательно, естественнее всего предполагать, что и «Плач» Исайи, прямо датированный 1566 г., и «Жалоба», написанная, очевидно, в те же годы, обнаруживали знакомство их авторов с Посланием Курбского, написанным в 1564 г.⁴¹

Но каким образом Исайя мог познакомиться с Посланием Курбского? Учтем, что западнорусский инок с 1561 г. находился на Руси; вскоре после приезда он, по доносу митрополита Иоасафа, попал в ссылку. Поэтому читать в Л и т в е Послание Курбского, написанное в 1564 г., он не мог. Значит, если он использовал это послание, то прочитал он его уже в России, в ссылке — в Вологде или в Ростове. Как же он мог его получить? Н. Е. Андреев, считающий, что именно Послание Курбского было источником сочинений Исайи, высказал предположение, что Исайя узнал текст Послания Курбского от дьяков царской канцелярии во время путешествия царской семьи в Вологду и Ростов.⁴² Такая передача официальным путем столь опасного сочинения узнику — да еще в 1564 г. — кажется нам маловероятной; вряд ли на это решился бы царский дьяк. Но мы знаем зато, что Исайя наверняка имел сношения с какими-то доброжелателями: еще в 1562 г., в Вологде, находясь «во юзах», «в темницы», он получил «Лист» от неизвестного; в этом «Листе» указывалось, что через некоторое время Исайю посетит «брат имярек».⁴³ В ходе таких сношений Исайя, очевидно, и передал «Плач», «Жалобу», а возможно, и послание 1567 г., помещенное в начале сборника его сочинений. Естественно предположить, что в ходе таких же тайных сношений Исайя мог получить и Послание Курбского. Как бы ни представлять себе пути ознакомления Исайи с Посланием Курбского, несомненным остается

³⁹ Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 70.

⁴⁰ Ср.: Н. Андреев. Мнимая тема, с. 270. Объяснение этого места, предложенное Р. Г. Скрынниковым, не совсем понятно. Сперва он указывает, что слова Исайи «нельзя принимать за чистую монету» и что Исайя здесь, как обычно, лгал, но далее заявляет, что пытка была обычным делом в средневековом судопроизводстве: «Почему Исайя после перенесения кровавой пытки не мог сказать, что его напрасно пролитая кровь вопиет к богу...?» (Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 75). Но предположение о «кровавой пытке» Исайи представляется все же простой догадкой — если бы Исайя имел в виду пытку, ему естественно было бы объяснить это.

⁴¹ Отмечу, что, приписывая мне (как и А. А. Зипину) датировку «Жалобы» 1561—1562 гг. (Р. Г. Скрынников. К вопросу... , с. 71—72), Р. Г. Скрынников заблуждается. Я упоминал лишь, что Э. Кинан не опроверг возможности датировки этого памятника временем ранее указанного им (1566 г.) и что Р. Г. Скрынников не доказал, что «Жалоба» — ответ на «Лист» 1562 г. (Я. С. Лурье. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 206; ср. А. А. Зими н. Первое послание Курбского Ивану Грозному, с. 72). Но из этого вовсе не вытекает, что я сам склонен датировать «Жалобу» 1561—1562 гг.

⁴² Н. Е. Андреев. Мнимая тема, с. 272; N. Andreyev. [Рец. на кн. Э. Кинана]. — Slavonic and East European Review, 1975, vol. LIII, N 133, p. 588.

⁴³ Д. И. Абрамович. К литературной деятельности... , с. X; ГПБ, О. XVII. 70, л. 180 об.

то обстоятельство, что читать это послание он мог только на территории «Российского государства».⁴⁴

Легко заметить, что изложенные выше наблюдения оказываются тесно связанными между собой и позволяют прийти к одному общему выводу. Послания Курбского и Грозного, очевидно, проникли в русскую рукописную традицию независимо друг от друга: их версии, читающиеся в отдельных списках, не восходят к единому сборнику. Хождение сочинений обоих антагонистов по «Российскому государству» подтверждается заголовком послания Грозного и отражением творчества «крестопреступников» в литературных памятниках XVI в. Возможность хождения посланий Грозного и Курбского в качестве своеобразных «открытых писем» подтверждается существованием произведений сходного типа в России XVI в.⁴⁵ Обращение во «все его Российское государство» не противоречило воззрениям царя, выраженным в его Первом послании: напротив, заявляя о своей готовности «не токмо до крови, но и до смерти пострадати» за своих «подвластных», царь постоянно, явно и косвенно, обращался в нем к этим «подвластным». Однако хождение обоих посланий в XVI в. едва ли было широким и длительным: послания Курбского в годы опричнины были, конечно, запретной литературой и распространение их грозило смертельной опасностью; Послание царя также, очевидно, распространялось в довольно узких кругах — с целью противостоять враждебной агитации «крестопреступников».⁴⁶ Уже довольно скоро это Послание, отражавшее политическую ситуацию 1564 г. и вскоре устаревшее (здесь упоминался в качестве невинной жертвы «избранной рады» казначей Никита Фуников, в 1570 г. казненный царем), перестало быть актуальным.⁴⁷

Наиболее ранней из компиляций, включавших послания Курбского и Грозного, были, очевидно, «печерские сборники», состоявшие первоначально из ряда враждебных царю документов начала 60-х гг. XVI в. и лишь позже (в 20—30-х гг. XVII в.) соединенные с Первым посланием царя. На основе таких «печерских сборников» (следовательно, не ранее 30-х гг.) возникли сборники, содержащие краткую редакцию ППГ. В середине XVI в. была составлена историческая компиляция, основанная на Степенной книге и Хронографе особой редакции,⁴⁸ в ее состав (в раздел, посвященный Ивану IV) было включено ППК первой группы 1-й редакции и ППГ во 2-й Пространной редакции (с дефектом — перестановкой фрагмента из конца в начало).

⁴⁴ Возражая против предположения о том, что «Жалоба» Исаии была написана через несколько лет после получения «Листа», и о том, что Исайя мог читать послание Курбского в ссылке, Р. Г. Скрышников указывает, что Исайя писал свое сочинение «в колодах и в тюрьме» и что ему «только раз представилась okazия для обмена письмами с Литвой» (Р. Г. С к р ы ш н и к о в. К вопросу. . . , с. 73). Но о длительности и широте корреспонденции заточенного Исаии свидетельствуют даты, сохранившиеся на некоторых его сочинениях, — 1562, 1566 и 1567 гг. (сам Р. Г. Скрышников также относит одно из них к 1562-му, а другое к 1566 г.). В ходе этих многократных и тайных сношений он и мог получить Послание Курбского.

⁴⁵ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 229.

⁴⁶ Заметим, однако, что, вопреки мнению С. О. Шмидта, Ивану IV вовсе не нужно было сопровождать свое послание письмом Курбского, чтобы сделать понятным «содержание послания царя и его пафос» (С. О. Ш м и д т. Об адресатах. . . , с. 310) — Послание Курбского было почти полностью процитировано в Первом послании Грозного.

⁴⁷ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Первое послание Ивана Грозного Курбскому, с. 231—234. Заметим, что аналогичные упоминания впадших в опалу лиц были вероятной причиной переделок, а затем и прекращения «Лицевых сводов» XVI в.

⁴⁸ Ср.: Послания Ивана Грозного, с. 544—545. Д. К. Уо установил, что и древнейший список, содержащий ППГ Хронографического вида 2-й Пространной редакции, составлял некогда единое целое с рукописью ГИМ, собр. Уварова, № 116/1386, включающий историческую компиляцию, основанную на Степенной книге (Keenan, р. 109—110).

В последней четверти XVII в. сложились «сборники Курбского» в том виде, в каком они нам известны сейчас. Как установил Ю. Д. Рыков, наиболее первичный характер имеют те из этих сборников (например, ГИМ, собр. Уварова, № 301), где содержатся только оригинальные и переводные сочинения Курбского и нет произведений других авторов;⁴⁹ ППК читается в «сборниках Курбского» в его 2-й редакции (включающей фрагмент, сходный с предисловием Ивана Федорова к Львовскому «Апостолу»). ППГ было, очевидно, добавлено к тексту «сборников Курбского» уже позже — вместе с другими сочинениями, не принадлежащими Курбскому (отрывок из хроники Гваньини, рассказ о нападении турок на Астрахань и др.). При этом Послание царя было помещено в уже известной нам 2-й Пространственной редакции, но с рядом дополнительных изменений и сокращений⁵⁰ (см. схему).

Все эти обстоятельства истории текста переписки заставляют отказаться от высказанной автором этих строк в 1951 г. догадки о том, что Первое послание Грозного в «сборниках Курбского» восходит к тексту, посланному царем в 1564 г. Курбскому.⁵¹ Вероятным по-прежнему можно считать только предположение, что кодекс сочинений Курбского (включая его «Историю»), отразившийся в «сборниках», был составлен довольно рано — при самом Курбском или сразу после его смерти (значительно позже столь тщательно собрать его сочинения было бы, естественно, труднее). Конечно, «широковещательное и многошумящее писание» царя до Курбского дошло, ибо он на него отвечал. Но данных о бытовании этого Послания в Западной Руси мы не имеем.⁵² Во всяком случае текст 2-й редакции царского Послания сложился на Руси, очевидно, при создании той исторической компиляции середины XVII в., о которой мы упоминали.

Подведем итоги. Текстологическое исследование посланий Курбского и Грозного и сборников, включающих эти послания, дает основание видеть в них сочинения, написанные в XVI в. с конкретными публицистическими целями и рассчитанные на распространение по всему «Российскому государству». Памятники эти были известны современникам, имели хождение и оказали влияние на некоторые произведения XVI в. (в числе их — на сочинения находившегося в ссылке инок Исайи). В XVII в. на основе рукописей предшествующего столетия сложились сборники, соединившие Первое послание царя с сочинениями (сперва — с некоторыми, а потом — почти со всеми) его противника.

⁴⁹ См.: Переписка Ивана Грозного с Курбским («Археографический обзор»).

⁵⁰ Я. С. Л у р ь е. 2-я Пространная редакция Первого послания Грозного Курбскому, с. 60—69.

⁵¹ Послания Ивана Грозного, с. 528—529, 552—553. Отсутствие западнорусской традиции переписки не позволяет с уверенностью предполагать, что адресованные Грозным в Литву послания сохранились и дошли до нас через литовско-русскую традицию (ср.: Д. С. Л и х а ч е в. Курбский и Грозный — были ли они писателями?, с. 204).

⁵² Догадки о распространении переписки в Западной Руси занимают важное место в статье С. О. Шмидта об истории ППК. Приняв предположение, высказанное автором этих строк в 1951 г., о восхождении текста в «сборниках Курбского» к экземпляру, посланному царем, С. О. Шмидт выразил, однако, сомнения во вторичности этого текста по отношению к тексту 1-й Пространной редакции, указывая, что для решения этого вопроса «необходимо было проделать значительно более тщательную текстологическую работу», провести «текстологическое изучение всех списков». (С. О. Ш м и д т. Об адресатах. . . , с. 318—323). Но пожелания С. О. Шмидта относительно текстологической работы уже осуществлены: сейчас нам известно не только два дефектных списка 1-й Пространной редакции *Л* и *К*, о которых пишет автор, а шесть списков этой редакции; текст их на всем протяжении сопоставлен с другими редакциями; первичность 1-й Пространной редакции можно считать доказанной.